

RU

Рецепция Шарлоттой Бронте романного творчества Сэмюэла Ричардсона

Конак А. А.

Аннотация. Цель исследования состоит в доказательстве возможности сопоставления романов Сэмюэла Ричардсона и Шарлотты Бронте в компаративном ключе. В отечественном литературоведении впервые утверждается возможность исследования влияния произведений С. Ричардсона на формирование литературного вкуса Ш. Бронте и её романного творчества, чем обеспечивается научная новизна статьи. Полученные результаты предоставляют обоснование для сравнительно-исторического изучения романов Сэмюэла Ричардсона и Шарлотты Бронте на основе контактной связи, с опорой на письма Ш. Бронте и прямые отсылки к романному творчеству С. Ричардсона в романах писательницы.

EN

Charlotte Brontë's Reception of Samuel Richardson's Novel Creativity

Konak A. A.

Abstract. The aim of the study is to prove the possibility of contrasting Samuel Richardson's and Charlotte Brontë's novels in a comparative manner. For the first time in the Russian literary criticism, the possibility of researching the influence of S. Richardson's works on the formation of Ch. Brontë's literary taste and her novel creativity is affirmed, which ensures the scientific novelty of the article. The results obtained provide a grounding for a comparative historical study of Samuel Richardson's and Charlotte Brontë's novels based on contact, reliance on Ch. Brontë's letters and direct references to S. Richardson's novel creativity in the authoress's novels.

Введение

Актуальность исследования обусловлена интересом современных литературоведов к вопросу влияния романов эпохи Просвещения на романную прозу XIX века, в том числе рецепции Шарлоттой Бронте романа Сэмюэла Ричардсона «Памела, или Вознаграждённая добродетель» (“Pamela; or, Virtue Rewarded”).

Для достижения поставленной цели необходимо решение исследовательских задач: во-первых, представить современные исследования, посвящённые роману Ш. Бронте «Джейн Эйр» и проблеме преемственности между литературой эпохи Просвещения и английским романом первой половины XIX века, и проанализировать характер интереса западных литературоведов к вопросу о влиянии С. Ричардсона на роман Бронте «Джейн Эйр»; во-вторых, обозначить истоки «встречного течения» и внелитературные условия, которые дают основания для сравнительно-исторического изучения; в-третьих, установить наличие контактной связи с опорой на письма Ш. Бронте и прямые отсылки к творчеству С. Ричардсона в романах писательницы «Эшворт» (1840), «Учитель» (публ. 1856) и «Джейн Эйр» (1847).

Основной метод, применённый в работе, – сравнительно-исторический (компаративный).

Теоретическую базу исследования составляют труды, посвящённые сравнительно-историческому литературоведению, И. О. Шайтанова, Б. Р. Уэллека, современные исследования о творчестве Ш. Бронте Б. М. Проскурина, В. А. Бячковой, а также работы, в которых изучается вопрос влияния романа С. Ричардсона «Памела, или Вознаграждённая добродетель» на роман Ш. Бронте «Джейн Эйр», А. Бендер, К. Берг, Б. Лау.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов исследования в курсе лекций по сравнительно-историческому изучению литератур.

Основная часть

Современная отечественная англистика испытывает заметный интерес к «золотому веку» английской литературы. В частности, роман Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» (“Jane Eyre”) активно исследуется на кафедре

мировой литературы и культуры Пермского государственного университета (см.: Бячкова, 2020а). Особое внимание творчеству Бронте уделяется в работах В. А. Бячковой (2019; 2020b), где отмечаются отзвуки романа «Джейн Эйр» в романах Дафны дю Морье, Лидии Чарской, Энид Блайтон, Пэм Никсон, Решата Нури Гюнтекина и др. В. А. Бячкова (2019) анализирует аллюзии на произведение Бронте и прямые отсылки на него в романе современной английской писательницы Пэм Никсон «Но я буду это помнить. Комедия». Автор полагает: присутствие «эха» «Джейн Эйр» обусловлено сходствами жанра и проблематики произведений Бронте и Никсон. Исследовательница считает, что «Но я буду это помнить...» вписывается в литературную традицию романа воспитания. Стратегия заимствования Никсон, по мнению В. А. Бячковой (2019, с. 39), заключается в ироническом «обыгрывании» элементов «Джейн Эйр» и акценте автора на современных решениях проблем поиска себя и обретения гармонии, характерных для романа Бронте.

В. А. Бячкова (2020а, с. 12) сопоставляет романы «Джейн Эйр» и «Чалыкушу» («Королёк – птичка певчая») Р. Н. Гюнтекина. Различия в сходном, по замечанию Бячковой, вызваны историческими и культурными особенностями эпох и стран создания произведений. Интересным представляется отмеченное сходство романов на уровне художественных образов: сравнение главных героинь с птицами в обоих произведениях может рассматриваться как символическое выражение незащищённости и внутренней силы героинь, их желания отыскать своё «гнездо», свой дом (Бячкова, 2020а, с. 15). Для дальнейшего хода исследования примечательно, что в произведении Сэмюэла Ричардсона «Памела, или Вознаграждённая добродетель» главная героиня также нередко сравнивается с птицами. В романе автор создаёт исключительно невинный и чистый образ. Памела бедна, на её честь посягает мистер Б., хозяин дома, в котором она прислуживает. Однако добродетель для девушки дороже любого богатства, она преодолевает все искушения и борется за своё человеческое достоинство. Вознаграждением за безуклонное следование добродетели становится законный брак с мистером Б., который покорён уже не только прекрасной внешностью Памелы, но и её внутренней силой.

В процессе анализа героини Памелы Эндрюс с точки зрения добродетели и моральной силы было установлено, что образ птицы, с одной стороны, отражает добродетель Памелы, связанную с её сентиментальной чувствительностью, невинностью и трепетностью, а с другой – символизирует её несвободу в социальном отношении. В романе Ш. Бронте прослеживается смысловая трансформация символа птицы, которая отражает меняющиеся отношения между Джейн Эйр и Эдвардом Рочестером. Отмеченные изменения можно условно разделить на три этапа: попытка Рочестера загнать «невинную птицу» в клетку, затем осознание героем внутренней силы и независимости Джейн Эйр, кульминационной частью является ощущение возвышенного восхищения перед олицетворением природы в предмете своей любви. Проверая чувства героини, Эдвард Рочестер довёл её до исступления разговорами о скорой женитьбе на Бланш Ингрэм и сравнил Джейн Эйр с птицей: «Джейн, угомонитесь. Не вырывайтесь, точно дикая обезумевшая птица, которая ломает свои перья в отчаянных попытках освободиться» (Бронте, 2001, с. 338). В ответ Джейн заявляет: «Я не птица, и я не бьюсь в сетях. Я независимый человек, наделённый собственным волей, и я хочу уйти от вас» (Бронте, 2001, с. 339). Героине важно утвердить свою внешнюю и внутреннюю независимость, отрицая сравнение с несвободной птицей. Образы птиц также можно рассматривать как отображение душевного состояния главной героини, её «борющейся» добродетели. Понимая бессмысленность применения насилия в отношении Джейн Эйр, мистер Рочестер говорит: «Что бы я ни сделал с клеткой, я не смогу добраться до него, до вольного прекрасного создания! Если я разорву, сокрушу непрочную темницу, моё насилие лишь выпустит пленницу на свободу. Я могу завоевать обиталище, но обитатель спасётся на небеса, прежде чем я смогу назвать себя обладателем жилища, сотворённого из праха. А нужны мне твои воля и сила, светлый дух, твои добродетель и чистота, а не только твоя хрупкая оболочка. Если ты пожелаешь, ты прилетишь на ласковых крыльях и обретёшь гнёздышко в моём сердце» (Бронте, 2001, с. 425). Этот мотив также восходит к «Памеле, или Вознаграждённой добродетели» Ричардсона. Мистер Б. осознаёт, что нуждается в добродетели и высоких моральных качествах Памелы Эндрюс, а не просто в физическом обладании ею. Когда эсквайр читает письма Памелы, он постигает прекрасный и трогательный внутренний мир героини, и на смену страсти приходит любовь. Потеряв способность видеть, но прозревав духовно, Эдвард Рочестер не может поверить в возвращение Джейн Эйр: «Ты правда здесь, мой жаворонок? <...> Час назад я слышал, как высоко над лесом распевал твой родич. Но его песня для меня так же лишена музыки, как восходящее солнце – лучей. Для меня вся музыка земли сосредоточена в устах моей Джейн...» (Бронте, 2001, с. 590). Джейн Эйр растрогана словами своего возлюбленного, её мысли выливаются в метафору: «Такое признание своей зависимости вызвало слёзы на мои глаза: будто царственный орёл, прикованный к тонкой жёрдочке, был вынужден просить воробушка быть его защитником и питателем» (Бронте, 2001, с. 590). Маленькая неприметная пташка получает большое влияние над крупной хищной птицей, которая имеет статус «царственной». В этом образном сравнении выражается определённое разрушение социального неравенства между героями, отношения которых определяются отнюдь не общественным положением.

При анализе сопоставления В. А. Бячковой романов Ш. Бронте и Р. Н. Гюнтекина прослеживаются и другие параллели с «Памелой» С. Ричардсона. В. А. Бячкова (2020а, с. 17) отмечает, что Фериде, героиню Гюнтекина, общество не принимает из-за «чересчур яркой» внешности, в то время как Джейн Эйр отталкивает подчёркнутой непривлекательностью. В романе Ричардсона главная героиня Памела наделена естественной красотой и в этой связи подвергается нападкам со стороны завистливых обитателей дома мистера Б. В. А. Бячкова (2020а, с. 18) также указывает, что некоторые части романа «Чалыкушу» выполнены в форме дневника героини, в которых

Фериде фиксируют происходящее с точным указанием дат и мест событий. В ходе исследования романа «Джейн Эйр» было установлено, что Шарлотта Бронте заимствует нарративную стратегию «Памелы» Сэмюэла Ричардсона: главная героиня произведения является повествователем-рассказчиком и действительность показана через призму её субъективного восприятия. Однако Памела пишет письма сразу после событий, в романе Ричардсона происходит постоянная рефлексия героини в эпистолярной форме. Это положение также сближает романы Ричардсона и Гюнтекина. Отдельно стоит подчеркнуть общность образов главных героинь: все три девушки становятся воплощением душевной чистоты и добродетели. В романе Гюнтекина, подобно романам Ричардсона и Бронте, присутствует образ женщины, которая теряет статус из-за рождения внебрачного ребёнка и, по определению В. А. Бячковой (2020а, с. 18), олицетворяет «тупиковый» вариант женской биографии.

Б. М. Проскурнин (2009, с. 51) писал, что роман «Джейн Эйр» мало изучен и незаслуженно недооценён российскими литературоведами. Шарлотту Бронте он относит к плеяде писателей-реалистов и считает, что романтические элементы в романе «Джейн Эйр» возникают в связи с реалистической концептуальностью романа. Вслед за Г. Фелпсом, Б. М. Проскурнин (2009, с. 55) критикует акцентирование романтических и готических аспектов романа, полагая, что они отвлекают от доминирующей реалистической проблематики. Между тем, как указывает автор статьи, этот «абсолютно английский в нравственном смысле слова» (с. 52) роман восходит к национальной традиции духовного путешествия и обретения себя через борьбу и испытания. Бронте становится продолжательницей традиции, которую Б. М. Проскурнин (2009, с. 59) относит к XVIII веку.

Вопрос влияния литературы эпохи Просвещения на английскую прозу XIX века также интересует современных литературоведов. О влиянии произведений С. Ричардсона на романное творчество Джейн Остен написана диссертация отечественной исследовательницы Ю. В. Тимошенко (2013). В работе творчество писательницы рассматривается как литературный диалог Остен с Ричардсоном, который проходит этапы взаимодействия и подражания.

О значении романов Сэмюэла Ричардсона для творчества Шарлотты Бронте рассуждает современная американская исследовательница Бет Лау (Lau, 2017). Б. Лау рассматривает «Джейн Эйр» как межтекстовый диалог Бронте с Ричардсоном. Она утверждает, что Бронте была знакома со всеми произведениями Ричардсона, а роман «Памела, или Вознаграждённая добродетель» стал одним из ключевых текстов для создания «Джейн Эйр». В статье Б. Лау романы «Памела» и «Джейн Эйр» рассматриваются с точки зрения взаимоотношений главных героинь и героев (мужчин и женщин), носящих характер непрекращающейся борьбы за власть.

Романы Ш. Бронте и С. Ричардсона также сопоставляла Кристин Берг (Berg, 2011) в диссертации «Любовь и социальные различия в “Памеле, или Вознаграждённой добродетели” Сэмюэла Ричардсона и в “Джейн Эйр” Шарлотты Бронте». В исследовании роман Ричардсона описывается как важная часть интертекста романа «Джейн Эйр». К. Берг, отмечая отголоски «Памелы» в «Джейн Эйр», характеризует оба романа как рассказывающие историю социального лифта (“rags-to-riches story”) (с. 84).

Однако в отечественном литературоведении влияние Сэмюэла Ричардсона на творчество Шарлотты Бронте не изучалось. В статье доказывалась возможность исследования, в котором сопоставляются два романа: «Памела, или Вознаграждённая добродетель» Сэмюэла Ричардсона и «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте. Несмотря на то, что обе книги написаны в рамках одной национальной литературы на английском языке, они представляют собой явления двух разных эпох: эпохи Просвещения, роман Ричардсона выходит в 1740 году, и Викторианской эпохи, роман Бронте публикуется в 1847 году. Кроме того, эти произведения представляют две разновидности романного жанра: «Памела, или Вознаграждённая добродетель» – нравоучительный эпистолярный роман, «Джейн Эйр» – роман воспитания. Возможность сопоставления такого рода материала в компаративном ключе может быть подтверждена мыслью Рене Уэллека (Wellek, 1948) о том, что «не существует методологического различия между исследованием влияния Ибсена на Шоу и исследованием влияния Вордсворта на Шелли» (с. 215). Разница эпох так же важна, как и разница национальных традиций. Эпоха Бронте создаёт своего рода «встречное течение» (см.: Шайтанов, 2010), которое обусловлено осознанием несправедливости социального неравенства, решимостью «маленького» (в социальном смысле) человека отстаивать своё личное достоинство. Эта энергия возмущения была заложена в «Памеле» – романе, ставшем заявлением о том, что человеческое благородство определяется не богатством и положением в обществе или гендерной принадлежностью, а добродетелью.

Ш. Бронте актуализирует почти забытый в первой половине XIX века роман С. Ричардсона. Однако в Викторианскую эпоху писательница подходит иначе к сходной задаче, делая акцент на независимости героини. Джейн Эйр становится богатой наследницей в тот момент, когда доказала, что и в бедности придерживается верного пути. Очевидно влияние на Бронте рационалистической традиции: особенность и сила её героини не в сентиментально-романтической чувствительности и внешней привлекательности, а в холодном уме, моральной силе, следованию подлинной добродетели.

Важным внелитературным условием для сопоставления является социальное положение С. Ричардсона и Ш. Бронте. Сэмюэл Ричардсон родился в бедной семье, не был джентльменом, получил скудное образование, не знал греческого и латыни и, следовательно, не считался образованным человеком. Учитывая контекст, становятся понятны истоки «уравнительной тенденции», за которую современники Ричардсона упрекали «Памелу».

В романе Ш. Бронте проблема социальной несправедливости воплощена в образе Джейн Эйр, восстающей против деспотизма буржуазно-аристократической морали и подмены понятия добродетели внешней

благопристойностью. Роман сталкивался с обвинениями, подобными тем, которые адресовали «Памеле». Генри Филдинг, главный литературный оппонент Сэмюэла Ричардсона, иронизировал над публикацией 1740 года, заявляя, что буржуазный печатник лишь делает вид, что обладает знаниями о высшем классе и нормах приличия аристократии (Bender, 2004, с. 18). Элизабет Ригби, критикуя «Джейн Эйр», писала, что этот «антихристианский» роман проникнут «духом сопротивления», чартизма, и если его автор действительно женщина, то она должна быть отвергнута представительницами своего пола (Brontë, 1999, с. VI). Бронте в предисловии ко второму изданию романа подчёркивает необходимость разделения «светской условности» и «нравственности» (Brontë, 1999, с. XXVII).

Известно, что семья Бронте имела доступ к большой библиотеке в Понден-хаусе, в которой преимущественно хранились произведения XVIII века, а также к одной или нескольким местным передвижным библиотекам, в которых находились популярные романы и поэзия. Предположительно, Шарлотта Бронте познакомилась с романным творчеством Сэмюэла Ричардсона в библиотеке Понден-хауса.

В 1840 году Ш. Бронте анонимно отправила Хартли Кольриджу, сыну Сэмюэла Кольриджа, четыре главы задуманного романа «Эшворт». Его отклик не сохранился, но по ответному письму Бронте очевидно, что молодой автор «Блэквуда» не рекомендовал ей предлагать роман издателям. Шарлотта Бронте написала всего четыре главы. Основное действие, очевидно, должно было развернуться в Йоркшире, когда все главные действующие лица соберутся там. Две первые главы посвящены жизнеописанию Александра Эшворта, что сразу создало длинноты в начале романа. Кольридж указывает на это, говоря, что роман может быть продлён на три тома. В ответ писательница с усмешкой замечает, что могла бы растянуть и на полдюжины томов, потому что «чувствует в себе энергию и упорство Ричардсона» (The Letters..., 1995, с. 236-237).

Упоминания С. Ричардсона в указанном письме на этом не заканчиваются, Ш. Бронте сравнивает Х. Кольриджа с мойрой Атропос, неутомимой богиней судьбы, перерезающей нить жизни. Писательница продолжает: «Я не думаю, что Вы постеснялись бы сделать то же самое с бессмертным Чарльзом Грандисоном, если бы Сэмюэл Ричардсон отправил вам письма мисс Гарриет Байрон и мисс Люси Селби» (The Letters..., 1995, с. 236). Бронте иронизирует над письмами героини Ричардсона, характеризуя их так: «...очень хорошие письма мисс Гарриет, в которых она поёт себе дифирамбы, так же сладко, как умирающий лебедь, и все её друзья присоединяются к хору, как Общество диких ослов пустыни» (The Letters..., 1995, с. 236-237). Писательница делает вывод: «Очень поучительно и прибыльно создать мир, выдуманный собственным мозгом, и населить его обитателями, которые так похожи на Мельхиседеков: “Без отца, без матери, без происхождения, не имеющих ни начала дней, ни конца жизни”» (The Letters..., 1995, с. 237).

В письме Ш. Бронте сравнивает свой начатый роман с теми, которые читала в старых изданиях «Дамского журнала», оставшихся от матери Марии Бронте. Писательница перечисляет некоторые произведения, среди которых встречается нравоописательный роман «Эвелина, или Затворница озера» (1788) Фанни Берни, продолжательницы традиций Сэмюэла Ричардсона (The Letters..., 1995, с. 236-237). Бронте пишет, что хотела бы жить в то время, когда её произведение «Эшворт» соответствовало бы общественному вкусу.

Роман Ш. Бронте решает не дописывать, однако в имеющихся четырёх главах несколько раз упоминаются герои Ричардсона: «Я бы избрал на роль негодяя нового сэра Харгрива Поллексфена, а героем сделал бы своего собственного сэра Чарльза Грандисона и первого наделил бы отрицательными свойствами и плачевной судьбой, а второго одарил бы всевозможными совершенствами и такими добродетелями, перед которыми невозможно устоять» (Бронте, 2012, с. 829). В этом отрывке речь идет о главном герое эпистолярного романа «История сэра Чарльза Грандисона» (1753) и о его противоположности – беспринципном Харгриве Поллексфене. Аналогия с Грандисоном вновь возникает, когда Александр Эшворт набрасывается на другого персонажа романа с оскорблениями и какими-то «дикими прыжками и ужимками»: «Когда Эшворт окончил свои гимнастические упражнения, он повернулся к дамам с видом истинного достоинства, совершенно таким же, что играло на лице сэра Чарльза при виде мисс Байрон...» (Бронте, 2012, с. 831).

Отсылки к героям С. Ричардсона обнаруживаются и в романе Ш. Бронте «Учитель», который был написан раньше «Джейн Эйр» и «Ширли», но опубликован только в 1856 году. Внимание Йорка Хансдена к добродетельной и чуткой Френсис Анри сравнивается с вниманием Чарльза Грандисона к Харриет Байрон. Между героями завязывается спор. Хансден выказывает своё презрение к английской аристократии, он говорит, что в стране «Порок распутничает с Бедностью, хотя в действительности предпочитает как любовницу Роскошь» (Бронте, 2012, с. 155). Бедная кружевница Френсис Анри, отличающаяся редкими душевными качествами, отвечает, что, размышляя об Англии, она думает о её национальном духе и характере, а не о нищете и пороках. В ответ Йорк Хансден заявляет, что Френсис опирается в своих суждениях на «сентиментальный вздор». Френсис отвечает, что его портрет для тех, кто его любит, будет дорог и храним именно из сентиментальности. И далее: «Если ваш мир – мир без сентиментального и без чувства, мистер Хансден, я более не удивляюсь, что вы так ненавидите Англию» (Бронте, 2012, с. 155). На прощание герой склоняется к руке Френсис, «точно сэр Чарльз Грандисон к ручке Харриет Байрон» (Бронте, 2012, с. 155). Таким образом, в романе Бронте вновь отнюдь не сентиментальный персонаж сравнивается с Чарльзом Грандисоном. Подобные сопоставления наводят на мысль о литературном споре Шарлотты Бронте с Сэмюэлом Ричардсоном, некоторой «игре» викторианской писательницы с нравоучительными произведениями XVIII столетия.

Характерно, что критика отметила сходство «Памелы, или Вознаграждённой добродетели» С. Ричардсона и «Джейн Эйр» Ш. Бронте. В еженедельной газете «Ллойда» писали: «...“манеры Памелы” повлияли на мисс Эйр,

она называет Рочестера “своим хозяином”... до того, как она полюбила его» (The Oxford History..., 2012, с. 248). В «Джейн Эйр» упоминание «Памелы» Ричардсона встречается в первой главе: служанка Бесси «потчует» детей «перипетиями любви и приключений, заимствованными из старинных сказок и ещё более старинных баллад, а то и (как я поняла позднее) из “Памелы”...» (Бронте, 2001, с. 12-13).

Упоминание ричардсоновской «Памелы» в произведении представляется важным и потому, что судьба главной героини романа Шарлотты Бронте во многом перекликается с историей жизни Памелы Эндрюс. Можно предположить, что детские впечатления, которые Джейн Эйр получила в результате восприятия пересказанного служанкой нравоучительного романа, послужили неким базисом для формирования таких морально-этических категорий, как достоинство и добродетель. Героиня с детских лет слышит историю о социальном неравенстве и претерпевании искушений. В этой связи трудно не согласиться с мнением британского специалиста по Викторианской эпохе Кэтрин Тиллотсон о том, что героиня Джейн Эйр на бессознательном уровне оглядывается на С. Ричардсона (Lau, 2017, с. 103). Надо полагать, «Памела, или Вознаграждённая добродетель» занимает особенно важное место в формировании личности героини Ш. Бронте, а упоминание романа Ричардсона в начале произведения в определённом смысле звучит как предсказание будущего Джейн Эйр.

Заключение

Итак, в статье доказывается возможность сопоставления романов С. Ричардсона и Ш. Бронте в компаративном ключе, обозначаются истоки «встречного течения» и внелитературные условия, которые дают основания для сравнительно-исторического изучения. Исходя из сказанного, можно сделать следующие выводы: современное литературоведение отмечает несомненную взаимосвязь романов Ричардсона и Бронте; роман «Джейн Эйр» может рассматриваться как актуализированный в Викторианскую эпоху роман Ричардсона «Памела, или Вознаграждённая добродетель», причём акцент Бронте делает на независимости главной героини. В статье устанавливается наличие контактной связи с опорой на письма Ш. Бронте, представлены прямые отсылки к творчеству С. Ричардсона в романах писательницы «Эшворт» (1840), «Учитель» (публ. 1856) и «Джейн Эйр» (1847). Сопоставления с прозой Ричардсона, которые делает Бронте, служат основой для вывода о литературном споре Шарлотты Бронте с Сэмюэлем Ричардсоном. Главная героиня романа Бронте также становится читателем Ричардсона, восприятие его «Памелы» оказывает влияние на формирование её личности. Упоминание «Памелы, или Вознаграждённой добродетели» в начале произведения звучит как некоторый намёк автора на будущее Джейн Эйр.

Перспективными представляются дальнейшее изучение романов С. Ричардсона и Ш. Бронте на основе компаративного метода, сравнительный анализ героев и нарративных стратегий романов «Памела, или Вознаграждённая добродетель» и «Джейн Эйр».

Источники | References

1. Бронте Ш. Джейн Эйр: роман / пер. с англ. И. Г. Гуровой. М.: АСТ, 2001.
2. Бронте Ш. Джейн Эйр. Учитель. Эшворт / пер. с англ. И. Г. Гуровой, Н. П. Флейшман, М. П. Тугушевой, А. Вироховского; предисл. М. П. Тугушевой. Белгород: Клуб семейного досуга, 2012.
3. Бячкова В. А. Дэвид Копперфильд, Пип и Джейн Эйр в «восточной» и «западной» литературе XX века (сравнительный анализ романов Ш. Бронте и Р. Н. Гюнтекина) // Мировая литература в контексте культуры. 2020а. № 10 (16).
4. Бячкова В. А. Традиция изучения романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» в Пермском университете в аспекте динамики английской реалистической традиции // Мировая литература в контексте культуры. 2020b. № 10 (16).
5. Бячкова В. А. «Эхо» романа «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте в произведении «Но я буду это помнить. Комедия» Пэм Никсон // Мировая литература в контексте культуры. 2019. № 8 (14).
6. Проскурнин Б. М. Новый человек и новое время в романе Шарлотты Бронте «Джен Эйр» // Вестник Пермского университета. 2009. № 4.
7. Тимошенко Ю. В. Литературный диалог Джейн Остен с Сэмюэлем Ричардсоном: дисс. ... к. филол. н. Самара, 2013.
8. Шайтанов И. О. «Историческая поэтика»: опыт реконструкции ненаписанного // Вопросы литературы. 2010. № 3.
9. Bender A. Samuel Richardson's Revisions to Pamela (1740, 1801). Denton, 2004.
10. Berg K. Love and Social Differences in Samuel Richardson's Pamela; or, Virtue Rewarded and Charlotte Brontë's Jane Eyre. 2011. URL: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/25304/1/Bergx-xmaster.pdf>
11. Brontë C. Jane Eyre / ed. by S. Minogue. Hertfordshire: Wordsworth Editions, 1999.
12. Lau B. The Place of Pamela in Jane Eyre // Time, Space, and Place in Charlotte Brontë / ed. by D. Hoeveler, D. Morse. L.: Routledge, 2017.
13. The Letters of Charlotte Brontë with a Selection of Letters by Family and Friends. 1995. URL: <https://archive.org/details/lettersofcharlot0001bron/mode/1up>
14. The Oxford History of the Novel in English: in 12 vols. Oxford, 2012. Vol. 3. The Nineteenth-Century Novel 1820-1880 / ed. by J. Kucich, J. Bourne Taylor.
15. Wellek R. Comparative Literature in General Education // The Journal of General Education. 1948. Vol. II. No. 3.

Информация об авторах | Author information**Конак Амела Алиевна¹**¹ Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва**Konak Amela Alievna¹**¹ Russian State University for the Humanities, Moscow¹ konakamela7@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 02.07.2022; опубликовано (published): 31.08.2022.

Ключевые слова (keywords): Шарлотта Бронте; роман «Джейн Эйр»; роман «Эшворт»; Сэмюэл Ричардсон; роман «Памела, или Вознаграждённая добродетель»; Charlotte Brontë; novel “Jane Eyre”; novel “Ashworth”; Samuel Richardson; novel “Pamela, or Virtue Rewarded”.